

Глава 1

*Ничем в герои не гожусь —
ни духом, ни анфасом;
и лишь одним слегка горжусь —
что крест несусь с приплясом.*

И. Губерман

25 августа 1964 года. 23.10

Подмосковье, поселок Абабурово

Взмах ножом — я уклонился. Клинок еще раз сверкает у моих глаз, я подныриваю, бью левой в бок, в печень, куда «харя» мне целил уже два раза. Попадаю. «Харя» хрипит, скрючившись, отскакивает. Перекидывает нож в другую руку, внезапно бьет снизу. Блокирую предплечьем, уходя в сторону. Меня обдает мерзким дыханием, смесью табака и сивухи, смерть проходит в считанных сантиметрах. Резко разрываю дистанцию, опрокидываю перед собой какие-то ведра с летнего стола. Сука, сука!

— Славик, где ты? — орет «харя», тоже отскакивает назад, оглядывается в сторону дома. Там у стены лежит тело подельника. Здорово я его двинул по затылку, тот до сих пор в отключке. А вот не надо лезть в чужой дом, ночью, через окно. Тем более в Абабурово.

Еще один взмах ножом — мимо. Бросаюсь к поленице, выхватываю деревяшку. Вовремя. В полено втыкается клинок, бью ногой в пах, но не попадаю. Ботинок ударяет лишь по бедру.

— Тебе хана, фраер! — «Харя» успевает вытащить нож, делает новый выпад, я чувствую, как трещит и рвется рубашка. Отмахиваюсь поленом, вор опять отскакивает. На звон упавших ведер на террасе дома загорается свет.

— Славик, атас! Рвем когти!

Пока «харя» снова оглядывается на своего лежащего дружка, резко рву дистанцию, бью поленом по руке с ножом. Хруст, крик вперемешку с матом. Вор падает на колени, клинок звенит по камням садовой дорожки, отлетая в траву. С размаха, по-футбольному вмазываю правой ногой по голове. Пыром. Готово.

— Кто здесь?! — На крыльцо осторожно выглядывает женщина в халате, почему-то с шарфом на лице. — Ах, боже! Что здесь происходит?! Кто вы?

— Я сосед ваш, — вытаскиваю из брюк ремень, начинаю вязать «харю». — Шел на пруд искупаться, вижу — калитка приоткрыта, а у вашего окна кто-то шурует.

Машинально поднимаю его нож, чтобы не затоптали. Меня начинает потряхивать. Отходняк!

— Это... воры?! — Высокий голос женщины дрожит от страха.

— Похоже на то... Скорее звоните в милицию.

Уже через десять минут приезжает милицейский «козлик». За ним второй. «Скорая». Потом еще одна. Во дворе поднимается суета, носятся люди в погонах. Соседка то и дело, всхлипывая, рассказывает, что вообще в Москве сейчас живет, но сегодня внезапно приехала на дачу. Под вечер и больная. Ей недавно сделали косметическую операцию...

Тут-то у меня челюсть и едет вниз. Косметическая операция в Советском Союзе? Приглядываюсь к соседке. Отекшее лицо под шарфом, круги под глазами. Это же... Любовь Орлова! Всемирно известная актриса, любимица Сталина!

— ...разболелась голова, я выпила лекарство и легла спать, — продолжает рассказывать женщина. — Сквозь сон слышала какие-то звонки в дверь, но не сразу встала...

Милиционеры явно узнали актрису, стоят вокруг, почтительно слушают. Потом, долго извиняясь, все-таки просят одеться и проехать в местное отделение милиции. Но первый, кого забирают после воров, — это я. Документов с собой нет, Орлова меня не знает. Да и дача рядом пока не моя — я ведь ее снимаю. На дворе ночь — пожилой усатый майор кавказской внешности гудит басом:

— В отделении будэм разбираться. Ох.. сейчас начнется. Министра разбудят. Дача самого Александра и Орловой. Нэт, ну почему в мою смену?

Как же не вовремя я оставил «индугенцию» в вещах московской квартиры! И паспорт там же. Черт меня дернул съездить в это Абабурово — хотел проверить, все ли в порядке. Проверил... Вот попадос! Или наоборот, я спас саму Любовь Орлову? СЛОВО согласно стучает в голове.

Во внуковском отделении меня быстро обыскивают, тут же снимают отпечатки пальцев. Приходит молодой заспанный опер. Задумчиво разглядывает разрезанную рубашку, чешет затылок.

— Ты посиди в красном уголке, а я поищу, во что тебе переодеться. Придется подождать, пока мы с этими бандитами разберемся. Здорово ты их при-

ложил, врачи час уже с ними колдуют. Нет, ну надо же! Залезли в дом самой Орловой! К нам уже едет оперативная группа МУРа, министра разбудили.

— Посижу, что я, не понимаю, что ли. Но днем я должен быть в Москве, у меня важная встреча в два.

В два часа дня — первое занятие с преподавателем по английскому. И не простым — из ПГУ КГБ.

— Какая встреча? Ты понимаешь, какой сейчас шухер поднялся?

— Мне очень, очень надо!

— Ладно, посмотрим. Лучше скажи, зачем нож с земли поднимал, совсем дурак, что ли?

— Растерялся. Боялся, что затопчут.

— Растерялся он... Пальцы смазал. Ладно, седи теперь, отдыхай.

Делать нечего, сижу тихо в красном уголке. Любуюсь портретами Хрущева и Ленина. Если я на это занятие не приду, Иванов с Мезенцевым сожрут мою бедную тушку вместе с костями. Прикрыв глаза, вспоминаю совсем недавнее прошлое.

* * *

21 августа 1964 года

Крым, Нижняя Ореанда

Госдача №1

— Что значит «нет»? — Хрущев начинает медленно наливать гневом. — Это ты, бл..., сейчас отказался, что ли?!

— Я сказал, что «нет»!

— Это почему еще?!

— Я могу привести вам тысячу причин, начиная с того, что не владею английским на должном уров-

не. Я на нем не то что сочинять песни — и петь-то не смогу.

— Так это поправимо. Мы найдем тебе преподавателей английского, дадим поэтов в помощь, которые помогут со словами, композиторов...

Я морщусь, как от зубной боли. Много они насочиняют, эти помощнички! Если бы в Союзе хоть кто-то мог написать хиты для западной эстрады, он бы уже давно это сделал. Но культурная среда и традиции у нас настолько разные, что сейчас и говорить об этом смешно. Про уровень владения английским я вообще лучше промолчу. Только ведь Хрущеву этого всего не объяснишь. Не поверит. Ему что кукурузу сажать, что песни на английском писать — шлея под хвост попала, и вперед! Волонтарист хренов.

И как же мне аккуратно послать Никиту с его очередной «гениальной» идеей? Видимо, придется искать другие аргументы, более понятные для него.

— Никита Сергеевич, дело даже не в этом.

— А в чем же?

Голосом Хрущева можно сейчас лед колоть. Или дрова. А в качестве щепок подойду я. Перевозу взгляд на Иванова и Мезенцева, ища у них если не поддержки, то хотя бы сочувствия. Сочувствие в их глазах есть, да. Но на поддержку, судя по всему, можно даже не рассчитывать. Так что придется отбиваться самому.

— Я ведь комсомолец. В партию подал заявление! — ступаю я на тонкий лед, пытаясь найти верный тон в разговоре с рассерженным Хрущевым. — А западная эстрада — это ведь сплошные пьянки и кривляния. И чтобы стать популярным на Западе,

мне тоже придется стать клоуном. Ну как я после этого буду своим товарищам по партии в глаза смотреть?!

— Алексей, если партия скажет «надо», ты не то что кривляться, а еще и канкан на сцене спляшешь!

Хрущев, видимо, вспоминает свой визит в США, морщится.

— А ответственность с советского человека только смерть может снять. Уяснил?

Ага... и на шест в стрингах запрыгну. Совсем ополоумел старый самодур!

— Да меня потом в наших газетах с грязью смешают! Моим зубастым коллегам только дай волю, враз загрызут.

— За это не переживай, — небрежно отмахнулся Хрущев. — Решат зубы показать, мы им эти зубы быстро выьем!

Ну да, одни языки им оставите, чтобы ваши задницы удобнее было лизать. Вон Никита Богословский тиснул как раз в этом, 1964, году в «Литературке» свой знаменитый пасквиль про «Битлз» — «Из жизни «пчел» и навозных жуков». Скажите еще, что статейка не заказная. Нет уж! Нельзя мне так подставляться, потом от такого позора до конца жизни не отмоешься.

— Я же студент, мне учиться надо! — привожу я очередной свой аргумент

— Так учись. Декана твоего... — Хрущев вопросительно смотрит на Иванова.

— Заславского, — тут же подсказывает лысый. Вот гад, уже и досье мое успел изучить.

— ...Да, Заславского... его мы предупредим. По учебе будешь тебе послабления.

Я повернулся к Мезенцеву, умоляюще сложил руки. Неужели не поддержит? Внутри почему-то предупреждающе бухнуло СЛОВО.

— Степан Денисович! Я же ничего не понимаю в разведывательном деле.

— Подучим.

— А провалы? Личная встреча с агентурой — она всегда ведет к провалам. Проследят за мной, и все. Это же скандал будет на весь мир!

— Нет, ну ты на него посмотри! — крикает Хрущев, а Мезенцев с Ивановым удивленно переглядываются. — Откуда про такое знаешь?

— Много беседовал с Асей Федоровной.

— Это Груша из его книги «Город не должен умереть», — поясняет генерал Никите Сергеевичу. — Я вам докладывал.

— А Грушу, кстати, хорошо бы взять на работу в ОС ЦК. — Мезенцев наклоняется к лысому: — Вам все равно нужен хороший делопроизводитель на старте, а она женщина очень грамотная.

— Дельная мысль, — согласно кивает Иванов.

— Товарищи! — Хрущев громко стучит ручкой по столу. — Мы опять уехали в другую сторону.

Кивает Иванову, приглашая вступить в разговор.

— Дело вот в чем, Алексей. Документы из папки товарища Сталина неполные. Что-то знал только он, не доверяя даже бумаге. И сейчас у нас нет каналов связи с... назовем их... — Иванов морщится, подбирая точное слово, — с советскими симпатизантами. Только кодовые слова, через которые они могут опознать наших агентов.

Вот жалко, что Кеосаян не снял еще своих «Неуловимых мстителей», а то бы я им сейчас проци-

тировал Бубу Касторского на допросе у полковника Кудасова: «Буэнос-Айрес шлимазл бесаме мучо!» Чем не кодовые слова?!

— Так что все равно придется лично выходить на связь, — вздыхая, добавляет Иванов.

Ну еще бы! Днем сталинскую агентуру восстанавливаю, а вечером в танце передаю со сцены сведения и бью чечетку. Нет, можно еще про славянский шкаф агенту задвинуть. Чтобы уже до кучи. Только сильно вот сомневаюсь, что я тот, кто им нужен. И уж тем более что это дело мне по зубам.

— Заставлять, конечно, не будем. — Я чуть ли не ясно вижу, как Никита физически себя ломает. Хочет матерно накричать, но сдерживается. Встает, проходится по комнате. — Нет, ты подумай еще раз. Поездки за границу, мировая слава...

— А главное — окажешь большую помощь стране, — подхватывает Иванов, потирая лысину.

— И с нашей стороны полная поддержка. — Мезенцев утешающе хлопает меня по плечу.

«И ты, Брут!» Я с укором смотрю на Степана Денисовича. У меня же был четкий план на дальнейшую жизнь. Вступаю в партию, становлюсь известным в литературных кругах. Делаю карьеру. Возможно, попадаю в ЦК и занимаю высокие должности. Например, становлюсь секретарем по идеологии. И тут передо мной открываются самые широкие перспективы по реформе Союза. Идеология — она ведь везде. В экономике, во внешней политике... А теперь этот мой сценарий летит псу под хвост. Я должен заниматься каким-то ВИА, который на Западе на фиг никому не нужен. Какие концерты? Какая слава?! Громкий провал, и я во главе этого

провала. Моя писательская карьера тоже закончится — нельзя одновременно гастролировать и ваять книги. А поэты-песенники в Союзе писателей — это литераторы даже не второго, а третьего сорта, к которым коллеги относятся с легким пренебрежением. Ситуация поганее некуда.

И я уже собираюсь поставить твердую точку в этом неприятном разговоре, как СЛОВО буквально взывает сиреной в моей голове, заставляя прикусить язык от боли. В висках настойчиво бьет набат, намекая, что я упускаю сейчас что-то крайне важное. СЛОВО заставляет меня еще раз подумать перед тем, как я окончательно откажусь от их предложения. Но что конкретно оно от меня хочет? К какому правильному решению настойчиво подталкивает? Что я упускаю, какую важную деталь? В принципе, я шел до этого момента правильным курсом: спас Хрущева, попал если не во власть, то в околоставные круги. У меня появилась пусть иллюзорная, но возможность что-то поменять в стране, повернуть штурвал этого массивного корабля, который на всех парах летит на скалы... Да еще и тянет за собой всю эту реальность, которая тоже погибнет под волнами хаоса, после развала СССР. Но нельзя же соглашаться на эту авантюру! Или... можно?

— Ну, что скажешь нам, Алексей? Давай уже, телись. Неужели от зарубежных гастролей откажешься?

Зарубежных гастролей... Так, может, все дело в зарубежных поездках? СЛОВО одобрительно вспыхивает в моей черепушке торжествующим финальным аккордом и замолкает. В пустой голове воцаряется оглушительная тишина, отчего я снова теряю нить рассуждений. Я все еще нахожусь под воздействием

СЛОВА, но, кажется, ухватил самое важное. Джеймса Бонда, может, из меня и не получится, калибр не тот, но вот поездки за границу — это новый этап в моей карьере, и он мне крайне необходим! Проза, поэзия — это лишь первая ступень ракеты, и пусть она еще не отработана мною до конца, но нужно уже выходить на новую орбиту. Поездки должны быть по другой линии! По писательской или журналистской, а для этого...

Я очнулся от раздумий и увидел, что трое мужчин все еще мрачно смотрят на меня в ожидании моего ответа. Эх, была не была... Где наша не пропадала!

— Товарищи, если вы готовы доверить мне такое важное дело, я согласен, но выслушайте меня, прошу!

Хрущев оживляется и откидывается в кресле, складывая руки в замок на толстом животе. Мезенцев незаметно выдыхает, видимо, до последнего опасался от меня открытого неповиновения или еще какого-нибудь фортеля. В глазах Ивана Георгиевича загорается огонек интереса. Мол, что же за фрукт такой этот Русин? Я же обвожу взглядом трех этих... интриганов. Им что, действительно так необходимо мое согласие? Других кандидатур не нашлось? Что-то с трудом верится! Но раз уж я взялся играть во взрослые игры, нужно оправдывать ожидания. Мозг вдруг начинает соображать на удивление четко и ясно, после получения одобрения «высших сил». Отдельные отрывочные мысли приобретают законченный вид и постепенно выстраиваются в моей голове в единую четкую концепцию.

— Про восстановление агентурной сети мне все понятно — это дело крайне важное, и я готов рабо-

тать. Но методы, которыми вы предлагаете решать эту задачу, считаю неправильными и даже вредными для дела. — Увидев, как Хрущев собирается сразу же мне возразить, вскидываю руки в предупреждающем жесте. — Минутку терпения, Никита Сергеевич! Выслушайте меня до конца.

Перевожу дух и продолжаю:

— Невозможность написать песни, интересные для западной публики, — это даже не главное. Просто к советскому ВИА на Западе будет такой нездоровый интерес, что я и шагу ступить не смогу без внимания журналистов. А потом... почему вы думаете, что принимающая сторона предложит группе гастроли именно в том городе, где находится интересующий нас объект? А если он неожиданно уедет из города в это время? Кто нас туда пригласит во второй раз? Шанс установить контакт будет безвозвратно утерян. И я уже не говорю о том, что мне придется постоянно изворачиваться, находя причины для отлучек, а группа — это ведь не только сами музыканты, но еще и технический персонал, который тоже не должен ничего заподозрить.

— И что ты предлагаешь? — интересуется Мезенцев.

— В качестве прикрытия нам нужен не новый ВИА, а новый журнал. Журнал для советской молодежи, по заданию которого я буду ездить в командировки хоть по всей стране, хоть за рубеж.

— Умник нашелся! Зачем нам новый журнал для молодежи, когда у нас и так их полно! — фыркнул Хрущев. — «Юность», например, или «Смена». «Ровесник» вон не так давно начали издавать.

— Никита Сергеевич, это все не то. «Юность» и «Смена» — литературные журналы для широкой